

ПАТРИАРШЕЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОГПУ (1923–1924 гг.)

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА А. Д. САМАРИНА ДЕЯТЕЛЯМ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ С ИЗЛОЖЕНИЕМ СОБЫТИЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Публикуемый документ найден в фонде Н. Д. Тальберга в архиве Свято-Троицкой Джорданвильской духовной семинарии. Он касается событий церковной жизни России в годы патриаршества святителя Тихона и сообщает неизвестные ранее факты об окружении Святейшего Патриарха и деятельности органов власти, направленной против Церкви.

Публикуемое ниже письмо — машинописная копия, хранящаяся в личном архиве Николая Дмитриевича Тальберга (фонд «Тальберг»¹ в архиве Свято-Троицкой Джорданвильской духовной семинарии). В конце документа машинописью приписано: «Из письма С. май 1924 г.». Кто-то раскрыл карандашом сокращение: «Самарина».

Само письмо и эта расшифровка проливают свет на упорную, сопряженную с опасностями и крайне необходимую работу ряда московских церковных деятелей по оповещению русских эмигрантов о событиях, происходивших в оставленной ими стране. Судя по публикациям в газете «Церковные ведомости», являющейся органом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, белградской газете «Новое время» и других изданиях, в Архиерейский Синод регулярно поступали известия из Советской России. На основании писем за границу составлялись заметки и обзорные статьи, которые часто имели подзаголовок, например: «по официальным сообщениям, актам и письмам».

Сообщения пересылались из Парижа — от митрополита Евлогия (Георгиевского), из Палестинской миссии от архиепископа Анастасия (Грибановского). У нас нет данных о письмах, присланных непосредственно из России в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию), где обосновался Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей.

Изучение большого массива документов показало, что информация попадала за рубеж в немалой степени благодаря усилиям группы церковных деятелей, среди которых были, прежде всего, сам Патриарх Тихон, секретарь Священного Синода Н. В. Нумеров, архиепископ Феодор (Поздеевский), А. Д. Самарин, Н. Б. Кирьянов и др. После кончины Святейшего Патриарха не прекратилось ознакомление собратьев за рубежом с церковными событиями в России. Публикуемое ниже письмо свидетельствует о немалой роли в этой работе А. Д. Самарина-

на, который не только в частных письмах подробно излагал минувшие события, но и рассылал свои сообщения в копиях, чтобы были оповещены представители инославных церквей, органы прессы и пр.

Александр Дмитриевич Самарин в 1915 г. был обер-прокурором Святейшего Синода. В 1917 г. его кандидатура была выдвинута на Московском съезде епархиального духовенства и мирян на Московскую митрополичью кафедру группой делегатов-мирян во главе с М. А. Новоселовым при участии Н. Д. Кузнецова, князя Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова. Выдвижение мирянина на архиерейскую кафедру было событием беспрецедентным, другим кандидатом был архиепископ Тихон (Беллавин), будущий Патриарх, которого и избрали. На Соборе 1917–1918 гг. А. Д. Самарин исполнял должность товарища Председателя Священного Собора. Возглавлял правление Совета объединенных приходов г. Москвы. Это был очень влиятельный, авторитетный и стойкий церковный деятель. Высоко ценя Святейшего Патриарха, архиепископ Феодор (Поздеевский), А. Д. Самарин и другие брали на себя задачу не допустить тех опасных для Церкви компромиссов, которые под давлением ОГПУ и опасаясь за судьбу своих собратьев, мог принять Святейший Патриарх.

М. Е. Губонин включил в свой сборник «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне» рассказ Г. И. Червякова «Самарин в Донском монастыре», где говорилось: «Передавали, что А. Д. Самарин, в обществе другого, такого же, как он сам, бывшего высокопоставленного лица, в 1923 г., по освобождении Святейшего из заключения, будучи весьма чувствительно затронутым известным заявлением Патриарха на имя Верховного Суда РСФСР об изменении ему меры пресечения и проч., решил лично проверить подлинность этого, опубликованного в мировой печати документа, к которому весьма многие и у нас, а особенно за границей, отнеслись как к самой явной фальшивке. С этой целью они направились в Донской монастырь. <...> Явившись в Донской на аудиенцию к Святейшему и убедившись из его недвусмысленных слов в том, что заявление действительно написано им лично, хотя, конечно, не без согласования с кем следует (да и странно, если бы было иначе!), “высокие” визитеры демонстративно удалились, бросив на прощание следующую фразу: “Тогда этот визит наш — последний и, простите, мы больше не будем впредь тревожить Ваше Святейшество”».

В ответ, Святейший Патриарх, будто бы, ничего не ответил и лишь слегка пожал плечами, разведя руки: вам, мол, виднее!»²

О роли Самарина в церковной жизни Москвы говорится в обвинительном заключении по его делу (арестован 30 ноября 1925 г.): «...а) поставив целью сохранение церкви в качестве активной к[онтр]/революционной организации, он с 1917 г. все время старался держать церковь под властью и влиянием лиц, принадлежащих черносотенной группировке, в которой Самарин играл руководящую роль. б) Руководил антисоветской работой Патриарха Тихона до раскаяния последнего перед соввластью, давая линию и тон во всех важнейших вопросах, как, например, во время изъятия церковных ценностей, а после изменения Тихоном политики по отношению к совласти выдвинул и организовал черносотенное ядро, так называемый “Даниловский синод”, при помощи которого постоянно оказывал давление на Тихона, заставляя поворотить его на старую дорогу.

в) Руководил деятельностью им возглавляемой черносотенной группировки в гор. Сергиево-Посаде, состоящей из бывших людей, проводя в жизнь решения и постановления последней»³.

Письмо А. Д. Самарина дополняет известные события 1923–1924 гг. новыми подробностями, исходящими из самого центра церковной жизни тех лет. В частности, по-новому предстает роль протопресвитера Василия Виноградова⁴, председателя Московского Епархиального управления, пошедшего на сотрудничество с органами власти. При сравнении письма Самарина с воспоминаниями протопресвитера выявляется ряд неточностей и искажений в записках последнего. В письме хорошо прослеживается механизм внедрения ОГПУ в дела церковного управления, подробности разрушительной деятельности начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова, постоянные попытки подорвать авторитет святого Патриарха среди верующих и крах этих попыток. Среди них — введение нового календарного стиля, изменение формулы поминовения властей за богослужением, примирение с обновленцами, принятие в общение В. Красницкого.

По мнению автора письма, Патриаршее управление оказалось в руках ГПУ. И в этих условиях ослабленного церковного управления опорой Святейшему Патриарху стали архиепископы Феодор (Поздеевский), Иларион (Троицкий), Петр (Полянский) и другие лица, среди которых был автор письма.

Из документа явствует, что «Даниловская оппозиция» на самом деле была выражением преданности и любви к Патриарху, что понимал и сам Святейший. Недаром епископ Феодор (Поздеевский), глава этой «оппозиции», был возведен Святейшим Патриархом Тихоном в августе 1923 г. в сан архиепископа. В ответ на заявление Священного Синода во ВЦИК о регистрации Соединенного присутствия Священного Синода и ВСЦ (1924) Тучков требовал от Патриарха Тихона ликвидировать Данилов монастырь, письменно доложив властям о его вредности⁵. Патриарх требования выполнять не стал.

После ареста А. Д. Самарина деятельность по оповещению заграницы о событиях церковной жизни продолжалась близкими ему по духу М. А. Новоселовым, протоиереем Федором Андреевым (подготовившими целый сборник документов для передачи за границу)⁶ и другими лицами.

Публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов.

Вступительная статья, публикация и примечания О. В. Косик

Я попытаюсь в краткой форме обнять все существенное из пережитого Русской Церковью, начиная с освобождения Патриарха⁷.

Известно, что всякий, пошедший на малейшее соглашение с ГПУ, становится через несколько времени его полным рабом. Патриарх не учел этого, когда, поверив обещаниям полной свободы и независимости в церковных делах, согласился выступить с публичным покаянием и заявлениями о своей лояльности по отношению к советской власти. Выманивая эти заявления, отредактированные в такой унижительной для Патриарха форме, ГПУ рассчитывало этим изолировать его, поколебав его авторитет в массах. На первых порах это не удалось: народ встретил Патриарха с энтузиазмом, отчасти не поверив в подлинность этих заявлений, отчасти простив ему их в надежде на упорядочение церковных дел освобожденным, хотя бы и такой ценой, Пастырем. Но предоставить Патриарху свободу в управлении Церковью вовсе не входило в намерения гражданской власти, поэтому тотчас по его освобождению она поставила себе двойную задачу: всячески дискредитировать Патриарха в глазах народных масс и опутать его такими сетями, которые не оставляли бы ему никакой свободы движения в управлении церковью.

Механизм порабощения очень прост. Когда Патриарх вышел из своей тюрьмы⁸, его естественно окружили епископы и священники, оставшиеся верными ему во время его заточения. Из этих лиц предполагалось составить Патриаршее и епархиальное управления. Но не прошло и месяца, как все они (около 5 человек) были арестованы. Из них уцелели только арх[иепископ] ИЛЛАРИОН*, только что возвратившийся из ссылки и ставший правой рукой Патриарха.

В то же время Патриарху были указаны лица, которых желали бы видеть его ближайшими сотрудниками. Это — СЕРАФИМ, арх[иепископ] Тверской (Александров)⁹, которого Вы, конечно, помните по Собору, и прот[оиерей] В. П. Виноградов, профессор Московской Духовной Академии¹⁰. Вся Москва убеждена, что эти два лица являются тайными агентами ГПУ и проводниками всех его замыслов в Патриаршем управлении. Их близость с Тучковым, главным следователем по церковным делам в ГПУ, их постоянные визиты к Тучкову и таинственные совещания с ним, их поведение в Патриаршем управлении подтверждают это. Вы, конечно, недоумеваете, как можно дойти до такой низости... К сожалению, подобные случаи у нас нередки. ГПУ достигает таких результатов очень простыми приемами: человека хватают, томят его месяцами в тюрьме, выматывают ему всю душу допросами и угрозами и, наконец, предлагают свободу под условием сотрудничества. И многие против этого искушения не могут устоять. Арх[иепископ] СЕРАФИМ и прот[оиерей] ВИНОГРАДОВ в свое время много пострадали и, вероятно, купили свою свободу и безопасность подобными обещаниями. Так как всякое лицо, которое Патриарх пожелал бы ввести в свое управление вопреки желанию ГПУ, немедленно было бы арестовано, ему поневоле пришлось вести об этих назначениях предварительные переговоры с Тучковым.

* Здесь и далее так в тексте. Правильно: Иларион. Выделено прописными буквами в источнике.

На присутствии в нем предателей он настаивал, к участию в нем допускал только тех, кто не способен был к противодействию планам ГПУ.

Исключение составлял арх[иепископ] ИЛЛАРИОН, которого терпели и которым надеялись со временем овладеть.

Так определился состав Патриаршего синода:

Председатель: Архиеп[ископ] СЕРАФИМ Александров,

Члены:

Архиеп[ископ] Илларион,

Архиеп[ископ] ТИХОН Уральский¹¹ (Вы его должны помнить по Собору — теперь это расслабленный во всех отношениях старик).

Еписк[оп] ПЕТР Полянский¹² (ничем не выдающийся, но честный. — Он только что возвратился из ссылки, освобожденный за несколько месяцев до срока).

Председателем епархиального управления был назначен ВИНОГРАДОВ.

Хотя тотчас после формирования Синода было возбуждено ходатайство о регистрации его, но до сих пор на это ходатайство не получено никакого ответа. Из этого вытекает то практическое последствие, что собрание Синода и деятельность канцелярии при нем являются с точки зрения советских законов нелегальными и лица, участвующие в них, могут быть арестованы в любой момент за недозволенные собрания. Не было разрешено Патриарху и иметь печать. Не так давно дано разрешение иметь печать, но с тем, чтобы Патриарх не именовался в ней Всероссийским.

В настоящее время в Москве живут до 30 православных епископов. Созвать их к себе для совещания Патриарх не имеет возможности, так как собрание без разрешения ГПУ неминуемо повлекло бы за собой арест участников, а на просьбу о разрешении отвечают отказом. Распоряжения Синода лишь с большим трудом могут быть оглашены, так как в советской печати их замалчивают, а иметь свой орган для этого не позволяют.

Пробовали печатать определения Синода отдельными листами для рассылки по церквам и епархии. Несмотря на то, что на это всякий раз испрашивалось разрешение цензуры и все печаталось с соблюдением общих законов, готовые листы отбирались агентами ГПУ, как только их привозили из типографии в Донской монастырь. Деятельность Патриаршего управления протекает под непосредственным управлением Тучкова: сначала он посещал только Патриарха, потом стал вызывать к себе повестками членов Синода для инструкций, наконец стал ездить на заседания Синода и таким образом превратился в настоящего обер-прокурора. Теперь ни одно назначение, ни одно решение не проходит без его соизволения. Но он не ограничивается ролью наблюдателя и протестами, но диктует Синоду свою волю, требует постановлений, очень вредных для Церкви и при помощи своих подручных и угроз умеет их провести... СЕРАФИМУ и ВИНОГРАДОВУ дается распоряжение поддерживать в Синоде проект ГПУ. Прочие члены вызываются к Тучкову, и он угрожает им ссылкой. Основанием служит для арх[иепископа] Иллариона какое-нибудь неосторожное выражение в проповеди или на публичной лекции, для арх[иепископа] Петра <пропуск в копии> или его досрочное освобождение. После этого они возвращаются в Донской монастырь

в подавленном настроении, и сила их сопротивления оказывается ослабленной. Противодействовать ГПУ может только Патриарх, потому что какая-то сила явным образом охраняет его, и над ним при всем своем желании не решаются учинить явного насилия. Но Патриарх, к сожалению, обнаруживает слабость воли, легко поддаваясь влиянию окружающих.

Я не сомневаюсь, что им не руководит малодушный страх за свою личную безопасность, но ему постоянно ставят в вину бесчисленные аресты, ссылки и расстрелы духовенства, и он невольно останавливается перед новыми жертвами, так как во всех случаях сопротивления Синода намерениям ГПУ месть поражает не Патриарха, а кого-нибудь из его ближайших сотрудников, обвиняемого в противосоветском влиянии на ход церковных дел.

Психологию Патриарха прекрасно изучили Тучков, Серафим и Виноградов и умеют ею пользоваться. Окруженный этим кольцом, он поддается влиянию, быть может, и вследствие физического ослабления, связанного с его болезнью. Несмотря на свои сравнительно молодые годы (59 лет), он производит впечатление старца. Постоянные тревоги и волнения, а также болезнь подтачивают его силы. В течение года у него трижды повторялся глубокий обморок, длившийся минут 20—30. Сначала думали, что это легкие удары, но консилиум лучших врачей, созданный после последнего обморока, открыл у него нефрит, не слишком сильный, но неизлечимый: белка выделяется довольно много, но цилиндров нет, нет и отеков, обмороки происходят от всасывания мочевины.

Сам по себе нефрит в такой степени развития не представляет такой опасности для жизни, но всасывание мочевины в больших количествах может повести к неожиданной катастрофе, которая будет страшным ударом для нашей Церкви, т. к. только Патриарх служит для нее объединяющим центром и препятствует наступлению полного разложения.

Вот каким образом Патриаршее управление оказалось в руках ГПУ.

Влияние, приобретенное ГПУ, нужно ему для разрушения Церкви ее собственными руками. Хорошо понимая значение Патриаршества и расположение народа к Патриарху, ГПУ стремится подорвать авторитет Патриарха и оттолкнуть от него верующих, чтобы потом устранить и его самого. Вскоре после освобождения Патриарха из заключения от него потребовали, чтобы он ввел моление за властей во время богослужений в расчете на неблагоприятное впечатление, которое должно было произвести на верующих такое распоряжение. Патриарх вынужден был издать такое распоряжение. Оно не принесло большого вреда, потому что не вошло в жизнь: приходы его не послушались и не стали поминать гонителей веры в церквях. Потом начались попытки устроить примирение старой Церкви с обновленческой. Для этого все острые углы были сглажены: из обновленческого синода были удалены наиболее одиозные элементы (Антонин¹³, Красницкий¹⁴, Введенский¹⁵), а во главе его поставлен Евдоким¹⁶, ширококвещательные обновленческие программы сведены на нет.

Этот обновленческий синод вошел в сношения с патриаршим синодом и предложил ему удалить Патриарха на покой. Это предприятие, нашедшее себе сочувствующих и в патриаршем управлении, разбилось о стойкость Патриарха, который решительно отказался покинуть свой пост. После этого у Патриарха

стали вынуждать переход на новый стиль. Под влиянием окружающих и вследствие недостаточной информации с востока Патриарх уступил, и новый стиль был введен с 1-го Октября. Москва покорно подчинилась этому распоряжению за исключением немногих непримиримых во главе с Епис[копом] Феодором, но провинции решительно отказались последовать за Патриархом... Патриарх убедился, что необходимо считаться с этим противодействием народа и, воспользовавшись более точными сведениями, наконец полученными из заграницы, и тем, что послание о переходе на новый стиль не было выпущено из типографии и к концу ноября, отменил свое распоряжение. Москва с радостью возвратилась на старый стиль. В ГПУ поднялась целая буря. Отмена распоряжения о реформе церковного календаря была приписана влиянию Арх[иепископа] Иллариона и других. У многих епископов, живущих в Москве, был произведен обыск и два из них, Арх[иепископ] Илларион и Еп[ископ] Николай Звенигородский (Добро-нравов)¹⁷ были арестованы. Еп[ископ] Николай через два дня был освобожден, но с него взята подписка, что он не будет посещать Патриарха и принимать участия в патриаршем управлении, а Арх[иепископ] Илларион выслан на два года в Соловки и находится в настоящее время на острове Попове близ Кеми в ожидании открытия навигации для перевозки на Соловецкие острова. Оставшиеся в Москве Епископы были терроризованы. Снова началось давление на Патриарха с целью вынудить у него распоряжение о праздновании по крайней мере Рождества по новому стилю. Патриарх и на этот раз не устоял, но в Москве никто уже не подчинился его приказанию. Нет надобности говорить о том, насколько эта колеблющаяся политика подорвала авторитет Патриарха. Тем не менее, все чувствовали, что отделяться от Патриарха нельзя. В конце концов создалось как бы молчаливое соглашение: отношения с Патриархом ни в коем случае не порывать, но его **ВЫНУЖДЕННЫМ** распоряжениям не подчиняться.

Зная о недовольстве общин, ГПУ сочло момент благоприятным для попытки организовать новый раскол, на этот раз уже справа. Епископов стали приглашать в ГПУ и предлагать им «организовать здоровое консервативное течение в Церкви» ввиду того, что Патриарх своими распоряжениями о поминовании властей и о реформе календаря оттолкнул от себя верующих. Между прочим бывшему Московскому Митроп[ополиту] Макарию¹⁸, разбитому параличом и прикованному к креслу, но все еще сохраняющему ясность сознания, было предложено «взять в свои руки управление Церковью», т. к. он, незаконно лишенный кафедры обер-прокурором Львовым, имеет на это все права. К чести Епископов надо сказать, что ни один из них не поддавался внушениям ГПУ и не восстал против Патриарха.

Уже давно Тучков настаивал на введении в патриаршее управление обновленческих Епископов. Уступая этим настояниям, Патриарх принял в общение после публичного покаяния Митр[ополита] Сергия¹⁹ и тотчас же пригласил его войти в состав своего синода. Тучков этим не удовлетворился и потребовал, чтобы принят был также и Красницкий, и не только принят, но чтобы он сделан был заместителем Патриарха в синоде и чтобы ему поручено было обновить состав синода, пригласив в него лиц, которым доверяет правительство. На это требование следовало бы ответить решительным отказом и даже не входить в его обсуж-

дение. Но поступили не так. Красницкий <то> один, то с Тучковым стал ездить с начала Великого поста к Патриарху, и таким образом начались переговоры о принятии его в общение и о дальнейшем положении. Тучков основывал свое требование на том, что правительство, доверяя лично Патриарху, не может доверять его Епископам, и тем объяснял все гонения на Церковь. В случае же выполнения своих требований, обещал легализацию Патриарших учреждений, прекращение всяких стеснений, разрешение на созыв Собора, освобождение и возвращение из ссылок всех арестованных и сосланных в административном порядке Епископов и священников. Красницкий вел себя со своим обычным цинизмом: он заявил, что ни от чего не отрекается, что признает собор 23-го года законным и принимает все его постановления, за исключением низложения Патриарха. В патриаршем синоде против принятия Красницкого с полной определенностью выступил Арх[иепископ] Петр Полянский, заявивший в присутствии Тучкова и Красницкого, что он на это ни за что не согласится и выйдет из состава синода, как только это произойдет. Арх[епископ] Серафим держался двусмысленно; не возражая против принятия Красницкого, он требовал, чтобы его воссоединению с Церковью предшествовало серьезное покаяние. Виноградов же оказался ярким защитником требований Тучкова, беспрестанно напевая Патриарху о том, как это было бы выгодно для Церкви и как было бы красиво ко дням Св[ятой] Пасхи на все излить елей всепрощения²⁰. Вне патриаршего управления к этому проекту отношение двоякое: есть священники, сочувствующие Виноградову и наивно думающие, что обещания Тучкова будут исполнены: они измучены всевозможными притеснениями и готовы купить спокойствие какой угодно ценой. Но огромное большинство духовенства и все миряне относятся к проекту с негодованием, и его осуществление, без сомнения, послужило бы началом нового раскола, т. к. отделиться от Патриарха пришлось бы людям, всецело ему преданным. Их взгляд на дело сводится к следующим положениям. Принятие в общение обновленцев с соблюдением правил о церковном суде канонически допустимо и по соображениям церковной пользы может быть облегчено, но снисходительность при настоящих условиях является с этой точки зрения совершенно нецелесообразной. Соглашение с обновленцами в массе не дает Церкви никаких выгод. Обновленческая церковь — это духовенство без паствы. Если бы за обновленческими епископами и священниками шел народ и стояли епархии, то, воссоединяя их паствы, можно было бы пойти на большие уступки, но за ними никого не стоит, кроме ГПУ. И вот в этом-то кроется огромная опасность для Церкви от соглашения с ними. Этих людей, готовых на все, правительство не перестанет поддерживать и после присоединения их к православной Церкви, а напротив, отдаст именно в их руки всю церковную власть. Теперь почти в каждой епархии по два епископа: один православный, всячески утесняемый, второй обновленческий, пользующийся покровительством гражданской власти. Кто же из этих двух останется управляющим епархией? Конечно, «красный», а православный будет удален в административном порядке. Таким образом вся Церковь перейдет под управление обновленческих епископов, канонически узаконенных принятием в общение, и общины не будут иметь никаких канонических оснований им не подчиняться. Из них будет составлено патриаршее управление, и

Патриарх будет вынужден подписывать все, что они по требованию ГПУ найдут нужным провести в жизнь. Цель правительства иметь своим послушным орудием высший орган церковного управления, — ради которой был организован обновленческий раскол, будет достигнута. По вынужденному приглашению Патриарха будет составлен собор из этих, лицемерно покаявшихся и реабилитированных епископов, которые сделают то, чего не удалось сделать собору 23-го года, т. е. низложить Патриарха и отменить патриаршество, а Патриарх, сам созвавший этот собор и тем сделав его законным, должен будет подчиниться его решениям. Если бы все это пошло так, как мы опасаемся, то для людей, искренно преданных Церкви, ничего не оставалось бы, как только отдалиться от Патриарха. Само по себе принятие в общение Красницкого еще не было бы опасно, но при уступчивости Патриарха на этом деле не остановится, и через месяц-другой Красницкий сделается председателем и диктатором патриаршего синода.

Когда слух о переговорах Патриарха с Красницким распространился, Еп. <пропуск в копии>²¹, вокруг которого группируются и другие Епископы, осуждающие настоящую политику патриаршего управления, отправился к Патриарху и изложил ему всю опасность принятия Красницкого. С таким же предупреждением были у Патриарха и другие лица. Под влиянием этого Патриарх письменно сообщил Тучкову, что он не может единолично, до собора, исполнить его требования. Ответом на этот отказ был обыск почти у всех проживающих в Москве епископов и арест 8-ми из них (Еп[ископов] Феодора, Гурия²², митр[ополита] Серафима Чичагова²³ и др.) — все таких, которые убеждали Патриарха не поддаваться настояниям Тучкова. Двое скоро были освобождены, остальным предстоит ссылка. После этого Патриарх согласился принять Красницкого единолично после покаяния, но к нему снова стали являться депутации с просьбой не делать этого. Во вторник 13-го мая Красницкий был у Патриарха за окончательным ответом, но вел себя с такою наглостью, что Патриарх отказал ему в принятии и прервал с ним дальнейшие разговоры. В среду 14-го мая митр[ополит] Петр, митр[ополит] Серафим и митр[ополит] Сергей были увезены ГПУ, где им было поставлено в вину, что они своим влиянием помешали Патриарху исполнить желание советской власти. Митр[ополит] Петр должен был подписать обязательство выехать в следующий вторник 20-го мая в Зырянский край, а митр[ополит] Серафим задержан ГПУ. Говорят, что арестован и Виноградов. Что означает странный арест Серафима и Виноградова — пока неизвестно. Опасаюсь, что Красницкому приказано будет подписать какую угодно покаянную форму, а Патриарх, совершенно изолированный, не устоит перед новым натиском. Вот его положение: оставаясь твердым, он не только служит причиной для арестов и высылки епископов, но и теряет людей, сколько-нибудь способных и стойких*.

Я нарисовал Вам печальную картину Патриаршего управления. В таких условиях действительное управление Церковью невозможно даже и в пределах советских республик. Епископы, назначенные в епархии Патриархом, хотя за ними идет весь народ, по большей части высылаются, заключаются в тюрьму или отправляются в ссылку. Об управлении же заграницными церквями и говорить нечего. Патриарх окружен шпионами, и каждое его движение известно

* Далее знак сноски, текст сноски в копии отсутствует.

ГПУ. Сношение его с миром, лежащим по ту сторону границы, невозможно. Каждый официальный акт, посылаемый туда, не может укрыться от правительства, и тогда возникает вопрос о способе его передачи за границу. Если Патриарх послал его частным образом, его обвиняют в незаконных заграничных сношениях, если он обращается к представителю правительства с просьбой о пересылке бумаг, ему или отказывают в этом, или, согласившись, в действительности их не передают. Из-за подтверждения назначения Митр[ополита] Платона управляющим американскою церковью была целая буря, в результате которой Патриарх вынужден был его уволить, но, так как ему не позволили назначить другого, то официального извещения об этом в Америку не послано...²⁴

С настоящим письмом прошу Вас ознакомить Митр[ополита] Евлогия. Ему я не пишу непосредственно, потому что не знаю, где он находится. Прилагаю при этом сообщение о положении заключенных и сосланных епископов и их списки. В изложении пришлось отказаться от всех конкретных подробностей, т. к. это может очень отягчить положение потерпевших. Если возможно, огласите о сообщаемом во французских и английских газетах. Для помощи пострадавшим мы очень нуждаемся в средствах. Если бы можно было достать их за границей и переслать их сюда, мы были бы очень признательны.

В прошлом году я выслал Митр[ополиту] Евлогию²⁵ много сообщений с просьбой разослать копии их всем представителям инославных церквей и широко огласить заключающиеся в них данные в иностранной и русской заграничной печати. Не слышно, однако, чтоб это в какой-либо мере было исполнено.

О положении русской Церкви за истекший год изговоряется тоже подробная записка. Когда она будет закончена, вышлю ее Вам, а Вы позаботьтесь использовать ее в смысле оглашения в возможно широкой степени.

Из письма С[амарина]* май 1924 г.

Архив типографии Джорданвилльской Свято-Троицкой духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8. Русская Православная Церковь. История. 1926–1948. Копия. Машинопись.

Примечания

¹ Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1967) — русский духовный писатель, публицист, историк. В 1920 г. эмигрировал в Германию. Выступал с лекциями, докладами и статьями на религиозные, исторические и политические темы в Югославии, Германии, Австрии. После Второй мировой войны — в США. С 1950 г. проживал в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, преподавал историю в Духовной семинарии Свято-Троицкого монастыря.

² Архив ПСТГУ. Современники о Святейшем Патриархе Тихоне. Рукопись.

³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 253.

⁴ Виноградов Василий Петрович (1885–1968) — протопресвитер. С 1914 г. магистр богословия. В 1918–1924 гг. член и председатель Московского Епархиального совета. В 1921 г. в заключении. В 1922 г. рукоположен во иерея, арестован. В 1923 г. настоятель церкви Тихвинской иконы Божией Матери в Москве. В 1930–1934 гг. с короткими перерывами в лагерном заключении. В 1943–1944 гг. наместник Виленского Свято-Духова монастыря в сане протопресвитера. В 1944 г. эмигрировал в Австрию, затем в Германию. Перешел в юрисдикцию Зарубежного Синода.

* После прописной буквы С. фамилия вписана от руки.

⁵ Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 369.

⁶ См.: Косик О. В. Сборник «Дело митрополита Сергия» и участие в нем М. А. Новоселова // Вестник ПСТГУ: II (История. История Русской Православной Церкви). 2009. Вып. 2 (31). С. 77–95.

⁷ Патриарх был освобожден из внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке 27 июня 1923 г.

⁸ Протопресвитер В. Виноградов пишет, что «патриарх был в 1923 г. освобожден вовсе не из какой-либо тюрьмы, а из-под домашнего ареста, под которым он в это время находился в бывших казначейских покоях Донского монастыря» (*Виноградов В., протопр.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1935 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 9). Однако память изменила протопресвитеру: 19 апреля 1923 г. Патриарх был помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ, где находился вплоть до своего освобождения. См.: Рапорт коменданта Верховного Суда РСФСР председателю суда о взятии Патриарха Тихона под стражу (Следственное дело... С. 336).

⁹ Серафим (Александров Дмитрий Александрович; 1867–1937) — митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. С 1919 г. епископ Тверской и Кашинский. С 1920 г. член Священного Синода. В 1922 г. возведен в сан архиепископа. В апреле 1922 г. арестован в Москве по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей», позднее освобожден. В 1924 г. возведен в сан митрополита. В декабре 1925 г. арестован, освобожден под подписку о невыезде. В 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Священного Синода. В 1933–1936 гг. митрополит Казанский и Свяжский. Расстрелян.

¹⁰ Протопресвитер В. Виноградов в своих воспоминаниях представляет избрание Патриархом лиц для участия в церковном управлении как добровольное и свободное: «Опираясь на данное ему, хотя и устно, разрешение свободной церковной деятельности, патриарх начал организовывать церковное управление: созвал временный Св. Синод из трех архиереев — епископа Иллариона, архиепископа Серафима Тверского (Александрова) и Тихона Уральского (архиепископ Петр здесь не указан. — О. К.) — и восстановил деятельность прежнего состава Московского Епархиального Совета под председательством проф. прот. В. Виноградова, принимавшего также участие и в некоторых важнейших заседаниях Св. Синода» (*Виноградов В., протопр.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона (1923–1935 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 14).

¹¹ Тихон (Оболенский Иван Иванович; 1856–1926) — митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ Уральский и Николаевский. В 1922 г. выслан в Москву без права выезда. В 1923 г. вошел в состав Священного Синода при Святейшем Патриархе Тихоне. С 1924 г. митрополит.

¹² Петр (Полянский Петр Федорович; 1862–1937) — священномученик, митрополит. Местоблюститель Патриаршего Престола. В 1920 г. хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. В 1921 г. арестован и сослан. В 1923 г. освобожден, возведен в сан архиепископа. С 1924 г. митрополит Крутицкий. 12 апреля 1925 г., после кончины св. Патриарха Тихона, утвержден Местоблюстителем Патриаршего Престола. 9 декабря 1925 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки, отправлен в Тобольск. В июле 1927 г. сослан на берег Обской губы в поселок Хэ. В мае 1928 г. срок ссылки продлен на два года. В августе 1930 г. арестован. Отказался снять с себя звание Местоблюстителя. С января 1931 г. в строгой изоляции, приговорен к заключению сроком на пять лет. В июле 1936 г. срок его заключения был продлен еще на три года. Расстрелян.

¹³ Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865–1927) — епископ. С 24.08.1922 обновленческий «митрополит Московский», возглавил образованный им обновленческий союз «Церковное Возрождение». 22.09.1922 вышел из состава обновленческого ВЦУ и сделал заявление о прекращении «евхаристического общения» с «живоцерковниками». В октябре 1922 г. возглавил обновленческое ВЦУ в новом составе. 29.04–09.05.1923 председатель I обновленческого «собора», подписал акт о низложении св. Патриарха Тихона. 15.04.1924 по распоряжению св. Патриарха Тихона предан каноническому суду Православного Собора.

¹⁴ Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936) — священник, обновленческий «протопресвитер всея Руси». В 1922 г. активный участник «прогрессивной группы петроградского духовенства», один из инициаторов обновленческого раскола, глава «Живой Церкви». С августа 1922 г. «первый протопресвитер всея Руси». В мае 1924 г. принес фиктивное покаяние перед св. Патриархом Тихоном, принят в общение с Православной Церковью. Последние годы жизни служил в церкви на Серафимовском кладбище в Ленинграде.

¹⁵ Введенский Александр Иванович (1889–1946) — протоиерей, впоследствии обновленческий митрополит. Один из инициаторов обновленческого раскола. В 1923 г. рукоположен обновленцами с титулом «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». С 1924 г. обновленческий «митрополит». С 1940 г. «заместитель первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх Православной Церкви» в СССР.

¹⁶ Евдоким (Мещерский Василий Иванович; 1869–1935) — архиепископ, впоследствии обновленческий «митрополит». В 1903 г. ректор МДА. В 1904 г. хиротонисан во епископа. В 1914–1917 гг. архиепископ Алеутский и Североамериканский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ Нижегородский. 16.06.1922 перешел в обновленческий раскол, один из идеологов обновленчества. С 1922 г. обновленческий митрополит. С 1922 г. член обновленческого ВЦУ. С 08.08.1923 председатель обновленческого «Священного Синода».

¹⁷ Николай (Добронравов Николай Павлович; 1861–1937) — священномученик, архиепископ. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1921 г. хиротонисан во епископа. С 1923 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. С конца 1925 г. в заключении и ссылке. Расстрелян.

¹⁸ Макарий (Невский (Парвицкий) Михаил Андреевич; 1835–1926) — святитель, митрополит, миссионер. В 1912–1917 гг. митрополит Московский и Коломенский, священноархимандрит Троице-Сергиевой лавры, председатель Православного миссионерского общества. В 1917 г. Временным правительством был уволен из состава Святейшего Синода, а затем смещен с Московской кафедры.

¹⁹ Сергей (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) — Патриарх Московский и всея Руси. С августа 1917 г. митрополит Владимирский и Шуйский. В июне 1922 г. перешел в обновленческий раскол. В августе 1923 г. принес покаяние. С марта 1924 г. митрополит Нижегородский. По завещательному распоряжению митрополита Петра (Полянского) от 06.12.1925 назначен первым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1925 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 1934 г. Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 1937 г. Патриарший Местоблюститель. С 19.09.1943 Патриарх Московский и всея Руси.

²⁰ Протопресвитер В. Виноградов несколько по-другому описывает свое участие в коллизии с приемом Красницкого. На заседании Священного Синода протопресвитер, по его воспоминаниям, провел «дуэль» с Красницким, выступил против принятия с титулом «протопресвитера» и включения его не в качестве рядового члена, а как заместителя председателя. Остальные члены Священного Синода, включая митрополита Петра (Полянского), «не желая решительным отказом сразу обострить отношения с Тучковым, дали уклончивый ответ» (*Виноградов В., протопр.* О некоторых важнейших моментах... С. 28). Протопресвитер искажает роль митрополита Петра (Полянского) в событиях церковной истории и в дальнейшем. Так, в письме к епископу Иоанну (Шаховскому) от 12 августа 1947 г. он пишет: «... митрополит Петр был очень милый, добрый и простой и доступный человек, но крайне робкий и боязливый, дрожащий даже при одной мысли попасть в тюрьму и никогда не дерзавший противоречить требованиям Соввласти» (*Церковно-исторический вестник.* 1998. № 1. С. 42). Письмо Самарина и исследования современных историков говорят о совершенно ином духовном облике священномученика митрополита Петра, проявившего редкостную твердость и мужество в отстаивании церковных интересов. Это и другие высказывания протопресвитера Василия Виноградова заставляют относиться к его свидетельствам с известной долей осторожности.

²¹ Вероятно, архиепископ Феодор (Поздеевский).

²² Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880–1938) — архиепископ. В 1920 г. хиротони-

сан во епископа. В 1920–1922 гг. в тюремном заключении. С 1924 г. архиепископ Иркутский. С 1925 г. с небольшими перерывами в заключении и ссылках. Расстрелян.

²³ Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856–1937) — священномученик, митрополит. В 1921 г. арестован. В 1922–1924 гг. в ссылке. В 1928–1933 гг. митрополит Ленинградский. Расстрелян.

²⁴ Св. Патриарх Тихон указом от 29 сентября 1923 г. назначил митрополита Платона (Рождественского) управляющим Алеутской и Североамериканской епархией. Однако после освобождения Патриарха из-под ареста митрополит Платон выступил с рядом антисоветских политических заявлений. Под давлением властей Патриарх указом от 16 января 1924 г. издал указ об увольнении митрополита Платона с Североамериканской кафедры, который, однако, не был отправлен. В апреле 1924 г. Собор епископов Американской митрополии провозгласил временную автономию Североамериканской епископии до урегулирования взаимоотношений между Церковью и государством в России.

²⁵ Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946) — митрополит. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1918 г. арестован по распоряжению правительства С. В. Петлюры. До лета 1919 г. в заключении на территории Польши. В 1920 г. эмигрировал. С 1921 г. управляющий русскими западноевропейскими церквями в Западной Европе. 30.01.1922 возведен в сан митрополита. В 1930 г. уволен от управления русскими западноевропейскими церквями митрополитом Сергием (Страгородским). В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, назначен Экзархом Западной Европы, положил начало церковно-юридическому подчинению ряда русских православных приходов за пределами России Константинопольскому Патриарху (евлогианство). В 1945 г. воссоединился с Московским Патриархом, оставлен Экзархом Западной Европы.

Ключевые слова: Патриарх Тихон, А. Д. Самарин, протопресвитер В. Виноградов, Московское епархиальное управление, Даниловский монастырь, Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

THE PATRIARCHAL ADMINISTRATION AND OGPU (1923–1924) THE EXTRACT FROM A. D. SAMARIN'S LETTER TO THE FIGURES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ABROAD WITH THE REVIEW OF THE CHURCH'S LIFE EVENTS IN RUSSIA

The published document was found in the document collection of N. Talberg in the Holy Trinity Orthodox seminary's archive in Jordanville. It covers the events of the church life in Russia during the days of St. Tikhon's Patriarchate and informs of the Holy Patriarch's environment and the Bolshevik authorities' activity against the Church. The publication of O. V. Kosik.

Keywords: Patriarch Tikhon, A.D. Samarин, protopresbyter V. Vinogradov, the Moscow Diocesan administration, the St. Daniel Monastery, the Incorporated State Political administration (OGPU).